

САРАБИЛИТИЕС

ЕКАТЕРИНА ИЛЪИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Евгеньевна Ильина

Capabilities

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35973259

SelfPub; 2018

Аннотация

Что связывает девушку-курьера, неудачника-хакера, полицейского, идущего по следам маньяка, ученого странной специальности, успешного финансового аналитика и парня типажа "балбес-сосед"? Внезапно обретенные способности и безжалостное преследование со стороны могущественного врага. Содержит нецензурную брань.

Пролог 1.

Под лестницей было душно и пыльно. Сквозь неровно прибитые доски проникали солнечные лучи, и в каждом из них танцевали сотни пылинок. Ребенок засмотрелся на них и сильно вздрогнул, когда ступенька над его головой заскрипела под тяжестью взрослого человека. Он поспешно зажал себе рот ладошкой и прижался к живому, теплomu телу рядом с ним. Им нужно было сидеть как можно тише, ему и его подруге. Человек на лестнице продолжил спуск, подолгу останавливаясь на каждой ступеньке и что-то бормоча. Но вот он спустился, сделал несколько неровных шагов по коридору. В щели чуланной двери ребенок разглядел тонкий, немного нескладный, но совершенно точно женский силуэт. Женщина остановилась посреди прихожей, заметно покачиваясь. Из-за солнечного света невозможно было разглядеть ее лицо. Пышные волосы в беспорядке падали ей на плечи, солнечные лучи превращали их в ореол, в нимб. Постояв, она дернула рукой, поднимая к лицу зажатую в ней бутылку, сделала несколько звучных, громких глотков, а потом неожиданно пронзительно крикнула на весь дом:

– Где мои бриллианты?!

Подруга ребенка задрожала и тихонько заскулила от этого крика, и он обнял ее, не отрывая взгляда от щели. Ему тоже было страшно, но он уже заметил, что, когда рядом с тобой боится кто-то еще, свой собственный страх можно отодви-

нуть.

– Я спрашиваю... в последний раз... Где?! Мои?! Бриллианты?!.. Куда ты их дел, паскудник?! – женщина кричала, запрокинув голову к потолку. Она продолжала пошатываться, жидкость в бутылке тихонько плескалась. Ее тень то и дело гасила солнечные лучи в чулане.

– Мне нужны бриллианты... я не могу без бриллиантов... ты ведь знаешь это, почему ты каждый раз... это все твоя сука! – женщина пронзительно взвизгнула и швырнула бутылку в чуланную дверь. Ребенок отшатнулся, с ужасом глядя на красные потеки, просочившиеся сквозь доски. Он ощущал брызги на своем лице, а кое-где кожу саднило. Он не понимал этого, но до него долетели не только брызги, но и мелкие осколки бутылки.

– Я найду ее.. – покачнувшись, женщина развернулась к гостинной и нетвердой походкой скрылась из вида. Но ребенок продолжал ее слышать. – Я найду ее и перережу ей глотку, обещаю тебе... она забрала мои бриллианты... она сожрала их... долбанная сука... сука, сука, сука... ненавижу...

Ее голос постепенно стих, но ребенок все еще не шевелился. Он знал, что выходить пока рано. Лучше всего продержаться до ночи. Только бы подруга не подвела. Наконец он опустил плечи, тихонько выдохнул и, повернувшись, ткнулся носом в шею старенькой дворняжки, дрожавшей мелкой дрожью.

– Не бойся, Салли Ки, – прошептал он. – Все будет хоро-

шо.

Пролог 2.

Камеры в здании передавали звук, но люди, следившие за изображениями на мониторах, ничего не слышали. Уши каждого из них были закрыты массивными наушниками, отсекавшими весь внешний мир. Но друг друга они слышать могли благодаря встроенному радиопередатчику. Двое сидели непосредственно у мониторов, остальные, явно армейского вида, замерли поодаль. Их, похоже, совершенно не впечатляло происходящее на мониторах, чего нельзя было сказать о первых двух.

А камеры тем временем передавали резню. Если судить по внутреннему устройству, действие могло происходить в обычной больнице: безликие стены выкрашены светло-зеленой краской, ряды дверей по обе стороны коридоров, каталки в проходах, небольшие холлы со стойками для медсестер. Некоторые камеры были установлены в лабораториях и операционных, но и те, и другие сейчас пустовали, да и в палатах не было больных. Все здание было отдано на откуп одному единственному пациенту и небольшой роте спецназа. От своих врачей пациент уже избавился.

Один из смотрящих в мониторы ошутимо вздрогнул, когда пациент показался на камере в длинном коридоре. Выглядел он не лучшим образом, казался измотанным и жал-

ким, и было даже не понятно, чего так испугался смотрящий. На пациенте была обычная роба больного, сейчас, правда, изрядно порванная и вся в темных пятнах. Камера не позволяла определить, что это за пятна, но смотрящий знал, что это кровь. В конце концов, он видел, как они появились. Пациент брел вдоль стены коридора, то и дело приваливаясь к ней плечом и делая частые остановки. Но вот он вскинулся, пристально уставившись в дальний конец. Смотрящие синхронно повернули головы к другому монитору, на которой выводилось изображение с камеры в конце коридора. В этот же момент к самому углу подоспела едва ли не последняя уцелевшая группа бойцов, облаченных в черную обезличенную форму. Все они носили шлемы тактической защиты, однако, не экранированные от всех звуков внешнего мира. Двигались бойцы осторожно и мягко, по-кошачьи, и слышать их заранее измученный пациент никак не мог. Впрочем, смотрящие знали, что он и не слышал. Он их увидел.

Они выскочили из-за угла почти одновременно, все пять человек, пять профессионалов, помимо приказов и прочего сейчас еще и желающих расквитаться с тем, кто так зверски расправился с их коллегами. Слаженными движениями они вскинули свои штурмовые винтовки, и тут человек в другом конце коридора открыл рот и произнес несколько слов. Пару секунд камеры застило мельтешение и вспышки выстрелов, но вскоре все стихло. Смотрящие невольно подались ближе, хотя итак прекрасно знали, что увидят. Все пять человек

спецназа лежали на полу без движения. Ствол винтовки каждого из них был обращен на товарища, каждого изрешетило не меньше десятка пуль перед смертью. Пациент же остался жив. В его сторону не было сделано ни единого выстрела. Тяжело дыша и явно слабея, он побрел в сторону бойни.

– Что ж... – внезапно подал голос один из смотрящих. – Пожалуй, мы видели достаточно.

– Это ... невероятно, – тихо пробормотал второй, потирая глаза будто в неверии. Но на самом-то деле он просто устал. Он провел перед этими мониторами намного больше времени, чем первый. – Это сочетание... оно невероятно сильное. Я пока... даже не представляю, чем бы можно было...

– Слишком сильное, – перебил его первый с отчетливыми нотками недовольства в голосе. – Как прикажете этим пользоваться? Вы не пробовали кандидатов с нарушенным восприятием? Аутистов там... или других умственно отсталых?

– Пробовали... да, пробовали, – второй все еще следил за монитором и передвижениями пациента. – Но это не даст эффекта... в смысле, эффект непредсказуем. Невозможно спрогнозировать реакции таких кандидатов. Они необучаемы...

– Этот тоже не больно-то предсказуем, – хмыкнул первый, тоже покосившись на монитор. – Он слишком силен. Мне не нужна бомба, у которой черт знает, что в голове, док.

– Но сэр, мы еще не приступали толком к процедурам установления контроля... Вполне вероятно, нам удастся ста-

билизировать его, он станет управляем... Вы ведь сами потребовали провести эту демонстрацию именно сейчас!

– Я знаю, что я требовал, – в голосе первого прорезался металл. – Я хотел увидеть результат, и я его увидел. Неважно, какой будет контроль, данное сочетание непродуктивно.

– Но сэр...

– Довольно. Уничтожьте его.

– Что?! Сэр! Мы же едва начали работу! Потрачено время и деньги, и мы...

– Потрачены мои деньги, вы хотели сказать?

– Да... сэр... – второй явно сник, понимая, что возразить нанимателю нечего.

– Уничтожьте его, док, – первый остался непреклонен.

Второй колебался буквально секунду, потом достал из кармана небольшой пульт и положил палец на кнопку. Прежде чем нажать на нее, он поднял глаза на монитор и сильно вздрогнул. Пациент смотрел прямо в камеру и что-то кричал. Второй невольно подумал, что, умей он читать по губам, сейчас, наверное, был бы уже мертв. Как и в случае с последними бойцами, пациент увидел невидимую угрозу в свой адрес и даже понял, как достучаться до того, от кого она исходит. Но против шлемов со звукоизоляцией он ничего не мог поделать. Второй тихонько вздохнул и нажал на кнопку. В тот же миг изображение с камеры исчезло. Взрыв вживленного в тело пациента имплантата с микробомбой повредил и ее.

– Вот и отлично, док, – первый, вставая, хлопнул его по плечу. – Не горюйте. У вас еще полно моих денег, чтобы продолжить работу и выдать приемлемый результат.

Встав, он повернулся к своим людям у стены и коротко кивнул. Эти бойцы ничего не слышали, они были на связи только между собой, но жест шефа поняли моментально. Один из них неуловимым движением вскинул пистолет и выстрелил второму – доку – в голову.

Глава 1.

Все началось с того, что Эмили открыла дверь. Она только проснулась и пребывала в далеко не лучшем настроении. Вчерашний день мелькал в голове отдельными вспышками и картинками, и ничего хорошего в этих картинках не было. Она снова напилась, хотя вроде как пообещала себе не делать этого больше. По крайней мере в этом месяце. Она снова переспала с тем парнем из паркурной тусовки, и оставалось только гадать, видел ли это Нил. Да конечно видел, как мог не видеть-то, если вечеринка была у него дома? Эмили сама не знала толком, на кого больше злится: на себя за неразборчивость или на Нила за ... Как это назвать-то? Слабость? Всепрощение? Любовь? От этих размышлений у нее ещё сильнее разболелась голова, а ведь нужно было ещё попасть на работу. Привычно и без особых эмоций проклиная своего босса, Эмили встала, даже и не подумав заправить по-

стель, и поплелась к ванной. Она прекрасно слышала, что в ванной кто-то есть, там лилась вода и доносилось невнятное бормотание. Тем не менее она подошла к двери и дёрнула за ручку. Эмили не сомневалась, что дверь закрыта, с этим у них дома было строго. На самом деле она просто хотела дать понять тому, кто нежился под душем, что есть ещё желающие освежиться. Но дверь неожиданно открылась. Эмили замерла, так и не выпустив ручку, и невольно уставилась на свою соседку, Дотт, методично намыливавшую ягодички и вслух повторяющую роль. Когда дверь открылась, Дотт вскинула голову, прервавшись на полуслове. Пару секунд обе девушки молчали, потом Дотт махнула на Эмили мыльной рукой.

– А ну пошла вон! Тут занято!

– Закрывать надо, дура, – огрызнулась Эмили, недовольно стирая капли с лица.

– Я закрылась! Если ты сломала дверь...

– Ничего я не сломала, – не дослушав, Эмили закрыла дверь и услышала отчетливый щелчок, с которым язычок замка встал на место.

– Закрылась она, как же... – выбитая из колеи и ещё более мрачная, она прошлепала на кухню и включила чайник. – Спит и видит, чтобы на неё кто-нибудь попялился...

По образованию Дотт была делопроизводителем (то есть профессиональной секретаршей), а по призванию актрисой. Она вечно бегала от труппы к труппе, от театра к театру, но

выше местечковых подвальных клубов пока что так и не поднялась. В последний месяц она прибилась к весьма эксцентричному ансамблю. Режиссёр труппы умудрился даже создать себе какое-никакое имя, перерабатывая классические произведения в эротическую сторону. Таким образом в Ромео и Джульетте появились полноценные постельные сцены, а на Гамлета не пускали детей младше двенадцати. Наибольшей популярностью, как слышала Эмили, пользовался практически авторский Король Лев. Тем не менее именно эта работа оказалась наиболее оплачиваемой. Дотт искренне наслаждалась выступлениями, обжимаясь на сцене с такими же восторженными фанатами своего дела, как и она. Зрители её полюбили, и в этом месяце ей даже не пришлось подрабатывать секретаршей, как раньше, когда кончались деньги. Сама Эмили лишь однажды была на Гамлете и в целом осталась довольна, как и Нил, к которому она прибежала сбрасывать возникшее в процессе просмотра напряжение. И хотя Эмили была рада за подругу, в быту её новое амплуа доставляло определенные неудобства. Дотт репетировала постоянно, но теперь все чаще делала это голой, утверждая, что так легче вжиться в роль. Их третья соседка, Тамара, отчаянно смущалась и пряталась в своей каморке, но как обычно не возражала вслух. И Эмили, и Дотт прекрасно понимали, что временами причиняют ей дискомфорт, но обе были слишком эгоистичны, чтобы обращать на это внимание.

Чайник закипел, и Эмили залила кипятком три ложки

растворяшки. По маленькой кухне поплыл отчетливый запах паленого.

– Фуу... – наматывая на голову полотенце, в кухню вошла Дотт (разумеется, кроме полотенца на голове на ней ничего не было). Пройдя к холодильнику, она достала банку колы и бесстыдно устроилась на подоконнике. Окна кухни выходили на небольшую улицу, и, учитывая низкий этаж, Дотт прекрасно было видно снаружи. Многие соседи и уличные мальчишки уже прознали об этой её новообретенной привычке. Вот и сейчас с улицы раздался призывный свист, но Дотт даже не обернулась. Она утверждала, что это добавляет ей творческих сил. Открыв колу, она сделала большой глоток.

– Ну что, супермен, как ночь прошла? Я слышала, ты вернулась что-то около трёх, – ярая поклонница богемного графика, Дотт обычно ложилась к утру. Эмили и сама частенько так делала, пусть и по другим причинам, а Тамара уже давно подсела на беруши.

Вместо ответа на вопрос соседки Эмили лишь дёрнула губой и сделала большой глоток кофе. Тот, разумеется, ещё не остыл, и она зашипела от боли.

– О, понимаю, – Дотт многозначительно покивала головой. – У тебя был чик-пык? Он хоть того стоил?

– В том-то и дело, – Эмили чуть отдышалась и вопреки здравому смыслу отпила ещё. На этот раз пошло легче. – Я не помню.

– Что, совсем? – соседка округлила глаза. – Это что-то новенькое. Эй, милая... А ты вообще в порядке?

Эмили неопределённо пожала плечами, покачивая чашку с кофе в руках. На самом деле такого с ней и правда раньше не случалось. Бывало, что стирались детали, но свои действия она помнила всегда. А тут... Да, она пошла с этим лысым в спальню Нила, и то, что осталось от воспоминаний, не оставляло сомнений, что секс все-таки был. А вот дальше... Эмили нахмурилась. Ничего. Вообще ничего. Ни единого проблеска.

– Говоришь, я вернулась в три? – она подняла глаза на Дотт. – И... Как я была?

– Без понятия, Эм. Я к тебе не заходила, просто слышала. Ты вошла... И в общем-то все. Должно быть сразу вырубилась... О, Эм! А вдруг тебя отравили?! Подсунули какую-нибудь дурь...

– Я знаю на вкус всю дурь, что мне могли подсунуть. Этого не было, – Эмили коротко усмехнулась.

– Но ты же не помнишь! Откуда тебе знать?

– Я знаю последствия, Дотт. У меня обычное похмелье.

– А вдруг это было что-то новое?

– Новая дурь на тусовке у Нила? Не смейся.

– На самом деле есть очень быстрый способ все выяснить, – Дотт многозначительно улыbnулась. – Позвони Нилу.

Эмили подхватила со стола пластиковую ложку и швырнула в неё. Та от души рассмеялась, без труда увернувшись.

– Ладно, милая, раз ты не потеряла вчера свою почку, мне некогда тут торчать. Репетиция, все такое... – Дотт спрыгнула с подоконника и, сопровождаемая разочарованным улюлюканьем с улицы, вышла из кухни. Эмили проводила её глазами, потом одним глотком допила кофе и отправилась в ванную. Шутки шутками, а на работу все-таки надо.

«...Очередной террористический акт был совершен прошедшей ночью на севере города. На этот раз пострадала независимая химическая лаборатория в Кассле. Лаборатория финансировалась в основном частными инвесторами, хотя среди держателей акций значится и такой гигант, как Форестер Групп. По непроверенным данным там велись достаточно перспективные исследования в области бытовой химии. Злоумышленники установили взрывчатые устройства снаружи здания, и при взрыве произошло воспламенение горючих химикатов, хранившихся на складе лаборатории. Среди пострадавших значится весь находившийся там персонал, а также несколько подсобных рабочих и случайных прохожих. Ущерб, нанесенный террористами, оценивается в несколько миллионов долларов. В данный момент район Кассл оцеплен, близлежащие к месту взрыва улицы эвакуированы в связи с угрозой химического отравления. В Форестер Групп пока воздержались от комментариев, но источник внутри организации уверен, что...»

Эмили надоело слушать новости, и она отвернулась от ви-

севшей в приемной плазмы. Террористы то, террористы се... В последнее время в новостях одни террористы. Ну, и Ювелир конечно. Терактов Эмили не боялась, она бы и вообще о них не думала, если бы об этом не трещали из каждого ящика. Какая разница, что творится в Кассле? Ясное дело, во всем виновата полиция, которая делает свою работу из рук вон плохо. Попробовали бы эти террористы сунуться в Рондо! Эмили понимала, что это не повод для гордости, но тем не менее в ее районе за последние три года не было ни одного постороннего убийства, или грабежа, или разборки. Никто со стороны не рисковал вмешиваться в дела района, и, хотя в городе он считался неблагополучным и опасным местом, Эмили не собиралась съезжать. Между прочим, за все эти годы Ювелир ни разу не наведлся в Рондо. Ну, и как вам это, уважаемые копы?

– Блант? – Эмили встрепенулась, оборачиваясь, и посмотрела секретаршу босса. Та кивнула на дверь кабинета и снова углубилась в пасьянс на компьютере. Эмили неохотно поднялась, переждала приступ дурноты и зашла в кабинет. Она бывала тут миллион раз и твердо знала – смотреть не на что. Безликая офисная мебель, какие-то обязательные фотографии на стене и столе, пара обшарпанных кресел. Да, это не «Нортон и сыновья», что всего лишь маленькая заштатная юридическая контора, единственная, где она смогла удержаться достаточно долго, чтобы руководство смогло оценить ее исполнительность и немногословность. Эмили не знала,

чья эта заслуга. Вполне вероятно, что дело не в ней, а в том, что никто другой не хотел здесь работать за такие деньги.

– Ааа, Эмили... – ее босс оторвался от бумаг и вперил в нее маленькие бычьи глазки. В одном Эмили была уверена – этот человек ее не хотел. И это, черт возьми, просто прекрасно. – Ты опоздала.

– Да, сэр... Извините, – уместно было бы сказать, что это больше не повторится, но она не смогла этого выдать.

– Ну ладно... у тебя сегодня много работы. Колин заболел, а сегодня нужно непременно доставить бумаги его клиенту. Я бы отправил других, но... все заняты.

Эмили едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Заняты, как же... может, в других конторах и дерутся за клиентов, но тут, в «Элдридж Ло», никто не хотел делать чужую работу. Никому нет дела до того, что это не Колин может потерять клиента, а вся компания.

– Ну, и помимо этого твоя обычная корреспонденция...

Обычно Эмили не направляли к клиентам. Курьеру в «Элдридж Ло» полагалось возить счета и квитанции, причем нередко личные. К клиентам каждый юрист ездил сам, и лишь изредка, если уж совсем не успевал, мог поручить Эмили, но все старались этого избегать.

– Ах, да... и еще тебе нужно пройти диспансеризацию. Это нужно сделать... эээ... сегодня, да. Я собирался предупредить тебя раньше, но как-то закрутился...

– Простите, что? – Эмили с усилием вынырнула из сонно-

го оцепенения. – Диспансеризация? Это еще зачем?

– Мы все ее прошли, это... эээ... новое корпоративное требование, – под скептическим взглядом Эмили ее босс чуть смешался, но тем не менее продолжил. – Ты ведь знаешь про реформу здравоохранения? Ту, что проводит Форестер Мед?

– Да, но... насколько я знаю, это вроде необязательно.

– Ну, в общем, да, однако... все крупные компании сейчас проходят диспансеризацию и получают электронные медкарты. «Нортон», «Сандей» и другие... еще немного, это станет негласным обязательным требованием в нашей среде. И тогда все побегут, и очереди можно будет ждать годами, Форестер Мед ведь не резиновая... В общем, я решил сделать все сейчас. А ты штатный сотрудник, так что... Да и разве не здорово, что ты сможешь поучаствовать в диспансеризации сейчас, за счет компании? Частным лицам это пока обходится недешево, знаешь ли...

– Ладно... но почему именно сегодня?

– На компанию выделяют несколько дней, сегодня наш последний... вот, возьми документы, можешь подойти в любой центр. Только сначала к клиенту Колина.

– Понятно, – Эмили взяла конверты с бумагами и счетами, запихнула все в свою сумку и, попрощавшись, вышла.

Реформа здравоохранения, которую проводила «дочка» Форестер Групп совместно с министерством здравоохранения, по мнению Эмили была никакой не реформой, а са-

мым обычным апгрейдом. По сути ничего не менялось за исключением того, что на каждого человека заводилась электронная медкарта, которая становилась доступна во всей сети общественных больниц. А для частных клиник Форестер Мед придумала хитрую систему лицензирования, по которой каждая из них могла приобрести доступ к хранилищу медкарт и таким образом иметь полную картину состояния здоровья каждого своего пациента. Если же клиника не приобретала лицензию, то по-прежнему могла работать, но вынуждена была либо все выяснять сначала самостоятельно, либо направлять клиента на повторные обследования, от чего многие наверняка стали бы отказываться. Лично Эмили не понимала, какой толк в этом лицензировании, если большинство клиник как раз и зарабатывали на этих бесконечных дублирующих друг друга анализах, но в правительстве видимо считали иначе. Программа электронных медкарт должна была в первую очередь каким-то хитрым образом поддержать государственную медицину, а также давала дополнительный источник дохода в виде лицензирования. У реформы были и противники, и защитники. Кто-то утверждал, что подобное хранение информации делает людей уязвимыми, кто-то кричал про сохранность персональных данных, кто-то вообще обвинял Форестер Мед (да и Групп тоже) в пропаганде какого-то там тоталитаризма. Сторонники воодушевленно вещали об огромном количестве доступных данных, которые смогут быть использованы для исследова-

ний в медицинских сферах. Подумайте, говорили они, мы сможем выявлять тенденции, анализировать тренды, оперативно узнавать об эпидемиях и все это в масштабах страны! Эмили было все равно. Она не видела ни плюсов, ни минусов, и сама бы, наверное, никогда не дошла до диспансеризации. Но мотивы босса были в общем-то понятны. «Элдридж Ло» пользовалась двойкой славой в юридических кругах. С одной стороны у нее было несколько довольно крупных клиентов (вот, например, тот же Колинов, финансовый директор «Арко», крупнейшей страховой компании в стране) и она их не подводила. Но с другой пользовалась репутацией контро-ры, к которой можно обратиться в щекотливых вопросах. А это далеко не та репутация, с которой входят в высший свет. Впрочем, босса Эмили устроила бы и подпольная слава, но он никак не мог ее добиться. Так они все и балансировали на грани закона, что позволяло получать доход, но не более. С помощью диспансеризации босс надеялся выделиться, козырнуть, напомнить о себе, и Эмили его не винила. Каждый крутится как может. В конце концов, пройти врачей и правда не так уж плохо, вот только бы не сегодня... Решив подумать об этом позже, она устремилась на запад, в центральный офис «Арко».

На активных экранах в подземке крутили те же новости, что и в офисе, и Эмили старалась не смотреть на них. Вместо этого она уставилась во тьму туннеля за стеклянной дверью и задумалась о прошедшей ночи. В самом деле, что сложного

позвонить Нилу? Но Эмили просто не могла себя заставить. Она чувствовала себя виноватой, и оттого злилась на Нила. Она терпеть не могла чувствовать себя виноватой, тем более перед Нилом, в котором духу-то было, откровенно скажем, не больше, чем в коале. Да и не упрекал он ее никогда и ни в чем, искренне радовался, когда она приходила, и умудрялся мастерски делать вид, что не замечает измен. Или и вправду не замечал? Но в это Эмили не верилось. Оттого она и злилась, ибо не понимала такой кротости. Именно такое поведение вселяло в нее вину. Короче говоря, звонить Нилу пока было совершенно невозможно. Но что же все-таки произошло? Может, Дотт права, и это новая дурь? Кто-то из паркурщиков вполне мог разжиться... Но почему тогда она не помнит, как ей ее предлагали? Почему такая избирательная амнезия?

Погрузившись в размышления, Эмили едва не проехала свою остановку. Вскочив в последний момент, она устремилась к лестнице. Хотя час пик еще не наступил, вокруг нее сновало приличное количество людей. И сегодня в подземке было явно больше полиции. Ах да, теракт, вспомнила она. Тем более финансовый квартал. Отсюда до Кассла еще прилично ехать, но воротилам нравится видеть, что их охраняют. Эмили поймала на себе несколько подозрительных взглядов, но не сбавила шага и не опустила головы. Бывало, ее даже задерживали, но быстро отпускали. Что поделать, в толпе она выделялась и не в лучшую сторону. Ма-

ленькая всклокоченная негритянка с презрительной миной на лице, в драной хипстерской одежде, нередко с откровенного бодуна, с большой сумкой через плечо. Когда стражи порядка выясняли, что она работает курьером в, несмотря не на что, не последней юридической конторе в городе, на них напал столбняк. Эмили уже предвидела нудные процедуры проверки на входе в «Арко». Никакая служба безопасности не могла спокойно пройти мимо нее. Эмили трудилась на этом поприще уже пару лет и легко могла бы выглядеть вполне прилично, чем избавила бы себя от львиной доли всей этой волокиты. Само собой, она этого не делала. Вот и сейчас, стоило ей появиться в холле, у ближайшего охранника отчетливо дернулся глаз. Но на этом, как ни странно, все и закончилось. Эмили подошла к стойке регистрации, назвалась, сообщила цель визита и приготовилась проследовать за безопасниками в отдельный кабинет, но вместо этого секретарша что-то проверила на компьютере, кивнула охраннику и выдала Эмили пропуск.

– Вам на одиннадцатый этаж. Кабинет мистера Олкотта в конце коридора.

Все еще недоумевая, Эмили невнятно поблагодарила девушку, взяла пропуск и прошла мимо охранника к лифтам. Тот даже и ухом не повел. У лифта толпились сотрудники, но они уже не обратили на Эмили никакого внимания. Правильно, это не их работа, у них своих забот хватает. Кто привел клиента пожирнее, кто займет место Джил из кадров, кто

где обедает... Эмили стояла в этой толпе и не понимала, что именно чувствует. Несколько лет назад именно так выглядела работа ее мечты. Стабильное место, коллеги, шикарный офис и весьма приличные деньги. Потом она познакомилась с людьми творчества и решила, что это ей подходит больше. Быть свободным художником, жить и работать в своем графике, поражать талантом. Но жизнь быстро развеяла лишнюю романтику вокруг этого образа. Во-первых, у Эмили не нашлось никакого мало-мальски прибыльного таланта. Во-вторых, оказалось, что художники вкалывают не меньше своих офисных коллег, и свой график по большей части означает семнадцать-двадцать часов в сутки. И все это при совершенно нестабильном доходе. В итоге Эмили до сих пор не понимала толком, чего хочет, но всякий раз нахождение среди тех, кто воплотил ту или иную схему в жизнь, доставляло ей неудобство.

Между тем лифт наконец приехал, и Эмили втиснулась в него, прижатая к зеркальной стене мужчиной в деловом костюме. Мужчина поглядывал на нее с интересом и совершенно не обращал внимания на ответный суровый взгляд. Когда Эмили выходила на одиннадцатом, он попытался хватить ее за ягодицу, но она это предвидела и ловко увернулась. Двери лифта закрывались под смех его коллег. Эмили же достала из сумки нужный пакет и пошла по коридору в поисках кабинета Олкотта. Тот нашелся, как и сказала секретарша на входе, в самом конце. Эмили толкнула дверь и

оказалась в небольшой приемной. Впрочем, в сравнении с кабинетом ее босса она была более чем приличной, да и обставлена не в пример лучше. Вот только в приемной никого не оказалось. Эмили немного растерянно огляделась, заметила небольшой диванчик и уже собралась усесться на него, но остановилась. Кончено, врываться напрямую к финансовому директору «Арко» не очень хорошо, и босс бы наверняка не одобрил, но ей нужно сегодня еще успеть в кучу мест и совершенно нет времени ждать его секретаршу. К тому же Колин оставил распоряжение передать бумаги лично в руки Джеймсу Олкотту, так что с ним все равно придется увидеться. Эмили подошла к его двери и негромко постучала. Ответа не последовало, и она постучала еще раз, посильнее. И вот теперь отчетливо услышала из-за двери нетерпеливое «да!», после чего с чистой совестью толкнула дверь. Та разумеется открылась, и Эмили второй раз за день ошеломленно замерла на пороге, не в силах оторвать глаз от любопытного зрелища. Ну что ж, теперь по крайней мере понятно, где секретарша, подумалось ей, и она едва не хихикнула. В целом, смотреть было особенно не на что, учитывая, что прямо напротив двери располагался голый зад Олкотта. И несмотря на всю его внушительность, вид стареющего бизнесмена со спущенными штанами вызвал у Эмили почти непреодолимое желание расхохотаться.

– Чт... Какого черта?! – взревел Олкотт, как-то позабыв о конспирации и щекотливости своего положения. – Что вы

здесь делаете?!

– Прошу прощения, я... – Эмили кое-как справилась с собой и отвела глаза. – Я курьер из «Элдридж Ло», вместо Колина...

– Как вы вошли?! – мужчина смотрел на нее вполоборота, не решаясь отстраниться от секретарши. Очевидно, он считал, что вид его голого зада менее компрометирующий, чем тот, что открылся бы, обернись он сейчас.

– Эм... дверь была открыта. Я постучала и мне показалось, я слышала...

– Но я закрывала дверь! – визгливо вскрикнула секретарша. Именно ее голос окончательно привел Эмили в чувство.

– Еще раз извините, сэр. Я принесла вам документы, я оставлю их на столе в приемной. Извините... всего доброго! – с этими словами Эмили проворно закрыла дверь, швырнула конверт на стол секретарши и, развернувшись, бегом бросилась прочь. Она сбежала по лестнице до самого первого этажа, наплевав на лифт. Только у входа в холл притормозила, осознав, как будет выглядеть в глазах охраны. Кое-как восстановив дыхание, она вышла из двери, ведущей на лестницу, подошла к стойке, мысленно готовясь к тому, что ее задержат, отдала девушке пропуск и пошла к выходу из здания. Ее никто не задержал.

До центра Форестер Мед Эмили добралась только под вечер. Остаток дня после «Арко» прошел как в тумане. Она то

принималась смеяться как ненормальная, привлекая внимание прохожих, то судорожно оглядывалась, уверенная, что Олкотт натравил-таки на нее службу безопасности. Тем не менее нужно было закончить работу, поэтому ей ничего не оставалось, кроме как отправиться на почту, а оттуда в банк, потом в другой, и так до самого вечера. Какое-то время она ждала звонка босса, которому Олкотт вполне мог пожаловаться на нее, но его так и не последовало. Сидя в небольшой очереди для корпоративных клиентов в центре Форестер Мед, Эмили и так, и этак прокручивала в голове события дня. Сначала Дотт, потом Олкотт... Но если Дотт еще вполне могла забыть запереться, она в последнее время стала рассеянной, то Олкотт и его секретарша, занимаясь сексом на рабочем месте, должны были проявить необходимую осторожность. Секретарша сказала, что закрывала дверь, и Эмили ей верила. Ну, и как объяснить, что она открылась? Испортился замок? И у них в ванной тоже? Каким бы неубедительным не было это объяснение, Эмили вынуждена была склониться к нему, так как других у нее просто не было. Кроме этого остается только поверить в неожиданно обретенные суперспособности.

– Эмили Блант? – из кабинета напротив вышла миловидная девушка в халате медсестры и улыбнулась, оглядывая ожидающих в очереди. Каким-то необъяснимым образом узнав Эмили, она улыбнулась и отступила от двери. – Прошу, проходите.

– А сколько это займет времени? – спросила Эмили, проходя в кабинет, похожий на тот, где обычно берут кровь, если не считать какой-то необычный агрегат в центре.

– Около получала, плюс-минус пять минут. Вы торопитесь?

– Хм... нет. А что вы будете делать? В смысле... я думала, диспансеризация это когда проходят разных врачей...

– О нет, – девушка жестом предложила Эмили сесть на стул около небольшого письменного стола, сама же устроилась за ним и, взяв ручку, принялась что-то отмечать в листе, прикрепленном к планшету. – У нас все намного проще... Вот эта штука, – она кивнула на агрегат, – заменит большинство врачей, а остальное расскажет ваша кровь. А теперь ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов.

Рассматривая загадочную машину, Эмили рассеянно отвечала на вопросы медсестры. Эмили Блант, афроамериканка, двадцать шесть лет, хронических заболеваний нет, аллергия на арахис, непереносимость лактозы в слабой форме... не замужем, детей нет... сексуальные контакты регулярно, последний... кхм... вчера ночью... переломов нет, имплантатов тоже...

– Послушайте, я... я вчера была на вечеринке у друга, и там был алкоголь... ну, вы понимаете. Если вы собираетесь брать кровь, то, может, лучше я приду в другой день?

– О, не волнуйтесь об этом, мисс Блант, – медсестра лучезарно улыбнулась. – Мы в состоянии выделить лишнее из

вашей крови, так что следы алкоголя... и не только... – Эмили показалось, что девушка сделала многозначительную паузу, – ...не помешают нам сделать полноценный анализ. А теперь, пожалуйста, прилягте на кушетку.

Эмили покосилась на невысокую кушетку у агрегата и нехотя поднялась со стула.

– Раздеваться нужно?

– Нет. Просто ложитесь и расслабьтесь. Вы когда-нибудь делали томографию? Нет? Ну, неважно... вам ничего не нужно делать, вы просто лежите... можете даже подремать, аппарат все сделает сам.

Недоверчиво хмыкнув, Эмили улеглась на кушетку.

– И как же он работает?

– Это коммерческая тайна, – девушка дозаполнила форму и подошла к чему-то, что походило на пульт управления, нажала на несколько кнопок, и аппарат утробно заурчал. – Уверяю вас, это абсолютно безопасно. Эта машина использует особое излучение, безвредное для человека. Благодаря ему можно провести полноценную всестороннюю диагностику вашего тела с повышенной точностью. Вашу прежнюю медкарту можно будет выкинуть на помойку.

Эмили мало что поняла, но решила дальше не спрашивать. Какая в конце концов разница, как это работает? Невелика трудность полежать полчаса. Рассуждая подобным образом, Эмили неожиданно для себя задремала и проснулась от осторожного прикосновения к плечу.

– Мисс Блант... мы закончили, можете вставать.

Немного дезориентированная, Эмили встала и посмотрела на часы. Прошло ровно сорок минут.

– Ммм... это все?

– Да, мисс, все. Ваша электронная медкарта готова и загружена в систему.

– А как же кровь?

– Я уже взяла у вас кровь, – девушка с улыбкой кивнула на локоть Эмили. Та опустила глаза и с удивлением обнаружила кусочек ваты, прилепленный прозрачным пластырем. – Тоже новая технология, абсолютно безболезненно. Не снимайте минут пять. Анализ крови займет примерно сутки и будет автоматически подгружен в вашу карту.

– Круто... а... так как, со мной все в порядке?

– Простите?

– Ну, вы провели диагностику... у меня нет ничего ужасного? Рака там... или для этого надо ко врачу?

– А, вы об этом... нет, ничего такого, мисс Блант. Ничего, что требовало бы немедленного внимания, однако сходить ко врачу это всегда хорошая идея. Вы теперь можете обратиться в любой центр Форестер Мед или другую лицензированную клинику. Врачи будут видеть полную картину.

– Понятно... спасибо.

– Всего хорошего, мисс Блант. И спасибо, что решили довериться нам.

Глава 2.

Все началось с того, что Дрю остудил горячее. Он очень поздно лег накануне, и сегодня, судя по всему, его ждало то же самое. День выдался суматошным, поэтому Дрю попросил водителя остановиться у кофейни Старбакс. Внутри оказалась небольшая очередь, но Дрю не боялся опоздать. Плюс-минус полчаса ничего не изменят, а может быть, так даже будет лучше. Стоя в очереди, он задумчиво изучал меню, хотя итак знал все позиции наизусть, когда его вдруг ошутимо толкнули в бок. Он полуобернулся, желая убедиться, что никому не мешает, и успел заметить опасно накренившийся большой дымящийся стакан со снятой крышкой в руках немолодой женщины справа. Она, видимо, пыталась пробраться к стойке со специями, но не рассчитала и столкнулась с Дрю. И сейчас ее несомненно обжигающий напиток собирался выплеснуться ей на грудь и живот. Дрю никак не мог ей помочь, более того, он и сам рисковал, стоя так близко к ней. Он только успел подумать: «Если бы только эта жидкость не была горячей... если бы только она остыла...», как стакан таки опрокинулся, женщина взвизгнула, явно готовясь к боли, но очень быстро замолчала, недоуменно осматривая свою залитую кофе блузку.

– О... о боже мой...

– Мэм, вы в порядке? – Дрю осторожно коснулся ее локтя.

– Я... да, кажется... о, простите, я, кажется, вас задела? –

женщина явно не понимала, что происходит, но больно ей однозначно не было. – Вы не ошпарились?

– Нет..., по-моему, он... ваш кофе не такой горячий.

– Не такой горячий? – эхом повторила женщина, потом залпом опрокинула в себя остатки напитка из стакана и возмущенно стукнула им о стойку. – Это еще мягко сказано! Он ледяной! Эй, кто там! Позовите менеджера! Я заказывала нормальный горячий кофе, а не какой-то там айс капучино!

Из ее памяти видимо полностью выветрилось, как она шла к специям, шипя от боли в пальцах, потому что стакан был очень горячим. Точно также она забыла и пар, шедший от незакрытого стакана. К ней уже подоспели менеджер и один из кассиров, оба пытались толи помочь ей вытереться, толи понять, что произошло. Дрю отступил, оглядел пришедшую в страшное оживление очередь и решил не ждать. С пустыми руками он вернулся в машину и велел водителю продолжить путь к элитному ночному клубу под названием «Западный Бруклин».

На пути к клубу им пришлось миновать несколько кордонов полиции и службы химической безопасности. Клуб «Западный Бруклин» находился в районе Кассл, но территорию вокруг него расчистили и обезопасили едва ли не в первую очередь. Клуб платил немалые деньги и полиции, и местным «властям» для того, чтобы его постоянные посетители могли попасть в него при любых обстоятельствах. Дрю бывал здесь не то чтобы слишком часто, но явно чаще, чем хотелось бы.

По его мнению, в городе было полно не менее презентабельных, но гораздо более приятных заведений. Да что там, он с радостью посещал бы и клубы попроще, и было время, когда он так и делал. Но теперь, как бы не парадоксально это звучало, он не мог себе такого позволить. Говорят, чем выше поднимаешься, тем меньше свободы у тебя остается. «Западный Бруклин» располагался в просторном четырехэтажном особняке, к которому вела собственная подъездная дорога. В «Бруклине» не было, пожалуй, ничего важнее иерархии, так что различия в положении и обслуживании начинались от самых ворот. Для гостей попроще (если так вообще уместно говорить о финансовых и политических воротилах) работала общая очередь парковщиков, и сейчас хвост из машин начинался еще на улице, до въезда на территорию клуба. Но для таких, как Дрю, имелась отдельная полоса, и на ней работали лишь избранные сотрудники, скорости которых позавидовали бы иные питстопщики. Проезжая мимо очереди слева от себя, Дрю размышлял о том, что ни разу в жизни в ней не стоял. Другим это не очевидно, но из этого ряда мало кому удастся перебраться в его ряд. Особыми гостями «Бруклина» становятся не после долгих лет обычного членства, а сразу. Машина мягко притормозила у входа, и тут же предупредительный лакей открыл пассажирскую дверь.

– Добры вечер, мистер Стюарт. Добро пожаловать в «Западный Бруклин», – молодой парень чуть склонил голову и продолжил будто бы заговорщицким тоном. – Если мне поз-

волено будет заметить, сэр, рекомендую сегодня не обделитъ внимаем морепродукты. Нашему шефу пришла особая посылка из Гонконга, но он старается не афишировать, там не так уж много...

– Спасибо, Дэнни, – Дрю тепло улыбнулся лакею и едва успел одернуть себя, чтоб не дать чаевые. Это было выше его понимания, но в «Бруклине» чаевые никто не оставлял. Конечно, Дрю знал, что это включается в счет, и процент немаленький, но то, что персонал категорически отказывается брать деньги из рук клиентов, выглядело, мягко говоря, странно.

– Господа Форестер и Милфорд уже прибыли, – между тем продолжил Дэнни. – Они только что перешли из игрового зала в ресторан.

Дрю снова поблагодарил парня, ничуть не удивившись такой осведомленности парковщика, и прошел по совершенно неуместной ковровой дорожке ко входу. Еще один лакей открыл перед ним дверь, и он оказался в просторном, вычурно обставленном вестибюле. Вообще, по мнению Дрю, клуб был декорирован крайне безвкусно. Обилие позолоты, парчи и темного дерева оставляло гнетущее впечатление, однако ругать интерьеры «Бруклина» считалось дурным тоном. В конце концов, решил Дрю, это место не нравилось бы ему в любом случае, вне зависимости от декора.

Стараясь особенно не спешить, он отдал пальто подскочившему гардеробщику (номерка ему, разумеется, никто не

дал, у персонала тут была либо идеальная, либо нулевая память, в зависимости от ситуации) и прошел вглубь особняка. По обе стороны от него веером расходились просторные комнаты. Вот библиотека, где можно, как в старые добрые времена, посидеть с сигарой, неспешно обсудить новости, пропустить пару партий в бильярд или карты. Дальше расположился полноценный игровой зал, которому позавидовало бы любое казино. Столы для игры в кости, в блэк-джек, в покер, рулетка, игровые автоматы и многое другое. Тут же находился один из пяти баров, чтобы гости могли выпить, не отвлекаясь от игры. По правую руку сразу две комнаты занял отделанный в стиле хайтек танцпол. Временами Дрю нравилось наблюдать за тем, как отплясывают финансовые директора и президенты. Было в этом что-то потустороннее даже. Этот танцпол был вполне приличным, а неприличный располагался в подвале. Само собой, в «Бруклине» можно было получить широкий спектр интимных услуг. Ничего выдающегося, зато можно не бояться огласки или неудобных болезней. Для многих скучающих мужей «Бруклин» был отличным выходом. Жены никогда не могли быть уверены, едет муж на деловую встречу или на личную. Впрочем, женщинам тут тоже оказывали услуги. Знавал Дрю пары, которые приезжали сюда вместе...

Миновав танцпол, он не спеша поднялся по широкой лестнице и оказался в просторной зале одного из самых шикарных ресторанов города.

– Добрый вечер, мистер Стюарт, – к нему тут же подско-
чил метрдотель. – Чудесно, что вы заглянули к нам именно
сегодня... вы уже слышали про морепродукты?

– Да, Джеймс, слышал, – Дрю заученно улыбнулся. Впро-
чем, улыбаться обслуживающему персоналу у него получа-
лось куда лучше, чем друзьям. – Уильям и Скотт уже здесь?
Я бы хотел к ним присоединиться.

– Разумеется, мистер Стюарт, – метрдотель будто бы про-
сиял. – Мистер Форестер и мистер Милфорд вас ждут.

Дрю проследовал за метрдотелем вглубь зала, поднялся
на небольшую надстроенную платформу и оказался на кры-
той веранде, с которой открывался красивый вид на город.
Метрдотель подвел его к большому круглому столу, за кото-
рым уже расположились пять человек. Поздоровавшись со
всеми, Дрю опустился на свободный стул, заботливо подо-
двинутый официантом, и тут же раскрыл меню.

– Вот Стюарт меня поддержит, верно, Стюарт? – не до-
жидаясь ответа и явно продолжая ранее начатую беседу, до-
вольно громко воскликнул Роджер Бэнистер. Бэнистер вооб-
ще был шумным по натуре, его многие сравнивали с неким
собирательным образом промышленников старой школы,
этаких толстопузых, грубоватых мужланов, мало что пони-
мавших в менеджменте, но знавших свое дело. Будь Род-
жер скотоводом, про него говорили бы, что он сам регуляр-
но принимает роды у своих коров. Но Дрю знал, что это не
так. Он познакомился с Бэнистером около двенадцати лет

назад и как сейчас помнил их первую беседу. "Я знаю, что у тебя золотая башка, – сказал ему тогда этот громогласный, тучный мужчина, сидя за своим огромным столом, заваленным вовсе не схемами заводов, а биржевыми сводками. – Я знаю, что ты прибедняешься, сэкономишь на рекламе, и это правильно, пострелов никто не любит. Я сам такой, все думают, что я недалеко, ну и пусть думают. Но мне нужно, чтобы ты работал в полную силу. Помоги мне вылезти из этой задницы, а я обещаю не ломать твою игру". Ну, и деньги, конечно, Бэнистер обещал ему деньги. И обещание сдержал. А Дрю честно вытянул его из задницы. Коровы коровами, но уже тогда выстрадавший, вымученный, жутко непричесанный авторский метод Дрю стоил своих денег. Бэнистер стал его первым крупным клиентом.

– Все это одна чертова подстава! – продолжал Роджер, едва не стуча кулаком по столу.

– Подставааава? – манерно протянул Скотт Милфорд, едва пригубив вино. На Бэнистера он смотрел сверху вниз, как, впрочем, и на всех присутствующих, за исключением разве Форестера, хотя и того иной раз находил за что покритиковать. – Что ты знаешь о подставах, Роджер?

– Не надо быть гением, чтобы сложить два и два, – верный своему амплу, Бэнистер не замечал намеков, кроме самых явных, хотя Дрю и не представлял, чего ему это стоит. – Эти теракты просто не могут быть случайными! Это точно какая-то схема, и цель ее свалить нас всех!

– Вроде бы твои заводы пока не бомбили, – с усмешкой заметил Милфорд, подмигнув сидевшей напротив него симпатичной девушке. Та немедленно покраснела, но взгляда не отвела.

– Наверняка и до них доберутся, но уж я позабочусь, чтобы у них ничего не вышло!

– Ну да, ты же у нас гений по безопасности. В городе полиция с ног сбилась, наши службы на ушах стоят, но ты-то уж точно позаботишься...

– Да эту полицию давно пора прижать! – неожиданно подал голос Джеймс Олкотт, до этого увлеченно поглощавший мясо со своей тарелки. Девушка, которую дразнил Скотт, была его спутницей, но Олкотт кроме еды не замечал, кажется, ничего. Дрю его не любил, ни как человека, ни как профессионала. Олкотт был нечист и на руку, и на помыслы. Он лишь относительно недавно выбился в люди, если можно так выразиться, сумев продать выгодное для Милфорд Банк решение по страховке в «Арко», и сам, похоже, не понимал, насколько зыбко его положение: он добирался до «Бруклина» по левому ряду. Дрю обратил внимание на его девушку, где-то с минуту поразмыслив, кто она. Едва ли из эскорта, Олкотт все-таки не такой дурак. Но и не жена, его женю Дрю как-то видел.

– Прижать полицию? – Милфорд явно пребывал в отличном настроении, по его мнению, сегодня все за столом только и делали, что развлекали его. – Это за что же, Джеймс?

– Как за что? Они не работают нихрена! Сколько уже было терактов? Они там вечно что-то делают, принимают какие-то меры, усиливают безопасность, но ее как не было, так и нет! Куда только смотрит глава департамента?!

– Ну, уж точно не в сторону возмущенной общественности... – пробормотал Дрю, и Олкотт тут же обернулся к нему, обрадованный, как ему показалось, поддержкой.

– Именно! Плевать они хотели на общественность! Раньше было не так, раньше голос общества что-то да значил...

– А я говорю, это подстава! Стюарт, что ты думаешь? Ведь очевидно же, что это не какие-то долбанутые исламисты!

– Я согласен, что это не долбанутые исламисты, – мягко ответил Дрю, передавая официанту меню и улыбаясь всем за столом. – И я согласен, что это, как выразился Роджер, вполне может быть подставой. Подобная... методичность указывает на наличие цели, но, насколько мне известно, никаких тенденций выявить не удалось? – он вопросительно взглянул на Форестера. Насколько Дрю знал, Форестер поручил своему аналитическому отделу следить за терактами. Тот лишь покачал головой. Дрю немного помедлил, вглядываясь в Уильяма. Форестер слыл эмоционально открытым человеком, в том смысле, что не скрывал своих эмоций и не стеснялся их демонстрировать. Хотя Дрю полагал, что это то как раз и может являться маской, ибо сложно представить себе человека его уровня, не владеющего эмоциями. Сейчас Форестер выглядел сосредоточенным и даже мрачным, что вовсе не

казалось удивительным, учитывая недавний взрыв на спонсируемом им предприятии. Он почти не выпускал из рук телефон, то и дело принимаясь что-то набирать или листать.

– Что ты будешь делать, Уил? – Милфорд подпустил в голос серьезных ноток и даже проникновенно прищурился. Из всех присутствующих он был ближе всех по уровню к гиганту Форестеру и имел с ним самые тесные рабочие связи: его банк обслуживал счета Форестер Групп.

– Ничего, – отозвался тот, нахмурившись на телефон, но вскоре все-таки отложил его и обвел задумчивым взглядом окружающих. – Я не работаю в полиции.

– Что, даже заявления не будет? – хмыкнул бесстрашный Бэнистер. Впрочем, как успел заметить Дрю, Бэнистер многим нравился своей прямоотой. Даже Милфорд пошучивал над ним не зло, а скорее с иронией.

– Заявление будет, – Уильям медленно кивнул и пригубил виски из своего стакана. Дрю знал, что это первый и последний бокал за вечер. На людях Форестер пил крайне мало. – Совместное с другими пайщиками. Там были не только мои деньги.

– Ты не думаешь, что это атака непосредственно на тебя? – Милфорд зажег сигарету и подался к Форестеру. Дрю заметил, как восторженно расширились глаза девушки Олкотта. Ей все это, наверное, напоминало сцену из гангстерского фильма. На ее глазах творилась история.

– А что скажет главный аналитик города? – Уильям

неожиданно перевел стрелки, чуть улыбнувшись Дрю. – Мои аналитики ничего не выявили, но, может, у мистера Стюарта иное мнение?

– Как главный аналитик города, официально заявляю, что исключать ничего нельзя, – Дрю ни капли не смутился. Он никогда не работал на Форестера или против него, а потому они по-прежнему обращались друг к другу на «вы». Многие не понимали, почему Дрю не перейдет эту черту, ведь поводов масса. Его положение позволяло ему регулярно видеться с главой Форестер Групп и их отношения давно могли перейти на иной уровень доверия, но Дрю продолжал выкатывать и получал то же самое в ответ. Причиной такого поведения было профессиональное кредо Дрю. Он никогда, даже в самые голодные годы, не искал клиентов, он искал решения. Работал в первую очередь с данными, с информацией, торговал ходами и бизнес-планами. И покупатели находили его сами. Ни при каких обстоятельствах он не предложил бы свои услуги Форестер Групп, он их вообще никому не предлагал. Единственный вариант, при котором они могли бы поработать, это если бы Форестер сам его пригласил, и оба это понимали. Но пока что Уильяму Форестеру хватало своих аналитиков.

– Это вполне может быть акция, направленная против Форестер Групп. С равной долей вероятности это может быть акция, призванная подорвать доверие к полиции. И вовсе не нулевая вероятность у варианта, при котором Форестер Групп сама все это устроила, – Дрю мило улыбнулся, обвел

глазами соседей по столу, пораженно застывших в разных позах, потом поднял свой бокал с вином и отсалютовал Форестеру. Тот улыбнулся в ответ и тоже поднял свой стакан, и после небольшой паузы все последовали его примеру, даже явно мало что понявшая девушка.

– Приятно видеть, что ты не теряешь хватку, Дрю, – заметил Скотт, выдохнув порцию дыма в потолок. – Ни вашим, ни нашим, и ничего конкретного без предоплаты, верно? Но вообще ты прав. Теракты бьют по всем, и никого нельзя исключать. Хотя от полиции и правда толку мало.

– А тебе случайно не известно, сколько копов охраняют сегодня «Бруклин», Скотт? – неожиданно зло прошипел Бэнистер, склонившись над своей тарелкой. Однако Милфорда было не так-то просто смутить.

– Знаю. Много. И ты, любезный Роджер, сам прекрасно можешь прикинуть, какая часть твоего членского взноса пошла на доплату полиции. Все честно.

– Пока есть те, кто платит полиции за безопасность и все не налогами, всегда найдутся те, кто заплатит против безопасности, – заметил Форестер, снова крутя в руке телефон. – Вопрос только в том, у кого больше денег.

– Да ну? А также защищать и служить? Деньги это всего лишь вишенка на торте, Уил, – Милфорд широко улыбнулся. – Такая... здороооовая вишенка.

Все вежливо рассмеялись, но продолжать эту тему никому не хотелось. В этом немного напряженном молчании Олкотт

неожиданно решил, что настал его час.

– Эй, вы только послушайте, что сегодня случилось со мной и Сьюз! – Дрю заметил, как девушка немного напряглась, но осадить спутника ей явно не хватало либо духа, либо положения. – Сегодня с утра у меня была очень напряженная встреча, я вернулся выжатый как лимон, ну и.. моя малышка не могла оставить меня одного. Мы решили пропустить обед и заняться... физическими упражнениями.

Дрю попытался отвлечься и не слушать, но голос Олкотта будто бы сам пробирался в уши.

– ... И вот стою я над Сьюз, и я оочень занят, и наше совещание уже, можно сказать, приближается к концу, как вдруг распахивается дверь и в кабинет врывается какая-то оборванка! Можете себе представить, я со спущенными штанами, Сьюз... ну... в общем-то тоже, и тут эта, как ни в чем не бывало... извините, говорит, я курьер! – Олкотт громогласно расхохотался, стуча рукой по столу.

– Я закрывала дверь, я точно помню, – неожиданно встала девушка, пунцовая от смущения.

– Если бы ты ее закрыла, я бы сейчас тут ничего не рассказывал! – сквозь смех возразил Олкотт, и не думая останавливаться.

– Ну, и чего тут смешного? – недовольно протянул Бэнистер. – Смешно будет, если эта курьерша разболтает о твоих обедах.

– Не разболтает, – Олкотт махнул рукой, едва не опроки-

нув своей стакан. – Один звонок в ее контору...

– Олкотт, ты отвратителен, – в голосе Милфорда искренности было пополам с иронией. – Непременно нужно было рассказывать об этом? Это неуважение по отношению к девушке.

На лице Олкотта проступило явственно озадаченное выражение, он повернулся к Сьюз, но та уткнулась в свою тарелку.

– Да ладно, – он неуверенно махнул рукой. – Сьюз не из стеснительных, верно, Сьюз?

В этот момент перед Дрю поставили суп с морепродуктами, и он с удовольствием втянул носом исходящий от блюда аромат. Перед тем как приступить к еде, он оглядел всех присутствующих. Бэнистер кривил рот в отвращении, Милфорд, несмотря на свои слова, явно наслаждался этим маленьким представлением. Форестер разглядывал девушку с задумчивым презрением, будто она была экзотическим насекомым. И это мой мир, подумал Дрю. Я ничем не лучше их.

– Хм... Дрю, а разве твой суп не горячий? От него же только что пар шел.

Дрю донес до рта первую ложку и без колебаний выпил совсем не обжигающий бульон. Коротко зажмурившись от удовольствия, он открыл глаза и улыбнулся Скотту.

– Я на него подул.

– Говорю тебе, детка, все просто супер! – громкий голос звучал на всю подворотню. Мужчина отчаянно шатался, но похоже, был вполне доволен собой. Его спутница тоже шаталась, по большей части от того, что он опирался на нее и весьма сильно.

– Да, Джим.. послушай, нам непременно нужно тут идти?... тут грязно...

– Ааа, брось! Всего десяток метров и мы у машины... хотя... – мужчина остановился и дернул девушку за руку, толкнув ее к стене.

– Джим, что ты делаешь?!

– Я хочу тебя, моя милая Сюзанна... – мужчина шагнул к ней и прижал ее к стене своим телом, ища ее губы. – Прямо здесь и сейчас... в конце концов, мы сегодня кое-что не закончили, верно?..

– Да, но... может, не здесь?..

– А почему не здесь?.. После сегодняшнего нам ничего не страшно... тем более я был таким молодцом, я представил тебя высшему обществу... думаешь, я не видел, как этот хлыщ Милфорд пялился на тебя? – мужчина довольно грубо зашарил ладонью по ее груди. – Я хочу здесь и сейчас, детка, в этом грязном вонючем переулке... после «Бруклина» это то, что надо...

Было видно, что Сюзанне это не нравится, но возражать она не посмела. Запрокинув голову, она закинула руки на плечи своего спутника и предоставила ему полную свободу

действий. В конце концов ... так ли уж все плохо?

Она почти уже нашла некую притягательность в его грубых действиях, как вдруг ей почудилось, что в другом конце переулка мелькнула чья-то тень.

– Джим!.. Постой... кажется, там кто-то есть...

– Аа, брось, детка, тут никого нет... дай мне свою...

Совсем рядом с ними у мусорных ящиков что-то громко упало, и оба вздрогнули.

– Что за... – мужчина нервно огляделся, не убирая руку с груди девушки.

– Там кто-то есть!

– Тише!

Странно, но звук транспорта почти не доходил до них, и в переулке было тревожно тихо. Несмотря на это они чувствовали себя странно уязвимыми, хотя мужчина еще пытался храбриться.

– Это, наверное, просто ветер...

– Джим, мне страшно... давай уйдем? Прошу тебя...

Было видно, что мужчина колеблется и сам не против уйти, но упрямство мешает.

– Брось, это всего лишь...

Тут они оба увидели его. В другом конце переулка, отрезая их от улицы, в неверном свете далеких фонарей застыла темная фигура. Этот человек не шевелился, просто стоял, но отчего-то навевал ужас.

– Джим... – голос Сюзанны сорвался.

– Эй... кхм... Эй! – мужчина подался в сторону фигуры. – Ты кто? А ну, вали отсюда, чертов извращенец!.. Эй!

Некоторое время ничего не происходило, а затем темная фигура сделала первый шаг.

Эмили понятия не имела, за каким чертом ее понесло идти дворами. Выйдя из Форестер Мед, она нос к носу столкнулась с полицейским патрулем, пережила не самую приятную, но в общем-то рутинную процедуру проверки документов и была отпущена с миром и предписанием по возможности поскорее покинуть Кассл. Именно в этот момент Эмили внезапно осознала, что в самом деле находится в Кассле. Конечно, она выбрала именно этот центр не по собственному желанию, просто именно тут находился офис страховой «Элдридж Ло», куда ей надлежало доставить документы. Страховая, как и сама «Элдридж...», была с душком, потому и располагалась неподалеку от самой богемной улицы Кассла, но в таком отвратительном доме, что, когда Эмили впервые прибыла сюда, она минут десять ходила по округе, уверенная, что ошиблась. Но это было давно, и сегодня Эмили приехала сюда на чистом автомате, а когда закончила с документами и вышла из отвратительного дома, то почти сразу увидела указатель «Форестер Мед – 100 метров». Понимая, что больше уже никуда не успевает, она даже обрадовалась. Как удачно все сложилось!

Ну да, очень удачно. Никто на самом деле не вводил в

Кассле комендантский час, но де юре именно этого и хотели патрули. И им было решительно не понятно, зачем кому-то шляться по улицам сегодняшней ночью. Эмили вовсе не собиралась скрываться в подворотнях, просто в какой-то момент, увидев на другом конце улицы очередной патруль, она не задумываясь скользнула в сторону и переждала в переулке. А потом подумала, что так будет проще, да и можно срезать неплохой угол до подземки. И пошла.

Не то чтобы это оказалось такой уж плохой идеей, и в целом Эмили ни разу не испугалась. Переулки и дворы были пусты, если не считать кошек и голубей. Видимо, теракт припугнул всех, даже местных бандюков. Хотя, может, все дело в патрулях и излишней бдительности жителей. Эмили пару раз ловила на себе взгляды из окон, но шла слишком быстро, чтобы кто-то реально успел что-то заподозрить. Впереди уже замаячили огни улицы, на которой находился вход в подземку, она ускорила шаг, походя бросив взгляд в узкий переулок справа, и внезапно замерла. Со стороны могло показаться, будто она споткнулось, да она и сама так подумала, но почему-то не смогла просто продолжить путь. Практически против воли она снова повернула голову к переулку. Там не было ничего. Точнее, там ничего не было видно. Дома по обе стороны представляли собой сплошные глухие стены, в переулок не выходило ни единого окна. Ближайшие фонари были на улицах, сюда их свет не доходил. Эмили совершенно точно не могла ничего там увидеть. Но почему-то была

уверена, что увидела. Она вовсе не была героиней, и сделала первый несмелый шаг в переулок не потому, что ее переполняла отвага или что-то еще более глупое в этом роде, а потому, что вознамерилась доказать самой себе, что там ничего нет. Что ей показалось, потому что иначе и быть не могло. Но она продолжала видеть, как-то очень странно, как будто кто-то подсветил контуры предметов, как в компьютерной игре, когда наводишь курсор на что-то. Она видела большой мусорный бак, кусок стены за ним, причем таким же загадочным образом ей казался подсвеченным каждый кирпич. И за баком было еще что-то... или кто-то? Решив покончить с этим как можно скорее, Эмили сделала три быстрых шага и обогнула бак.

Перед ней лежали две кучи чего-то. Два довольно бесформенных тюка, лишь слабо поблескивающих в толике света, все-таки доходившего сюда. Эмили замерла, парализованная страхом, даже ужасом, потом дернулась и отшатнулась. При этом она неловко взмахнула рукой и задела край бака. Ей показалось, что ее кто-то держит, и она закричала, завизжала даже, со всей силы дернув рукой. Запястье пронзила короткая боль, но почти сразу Эмили почувствовала себя свободной и метнулась прочь. Она выбежала в более светлый переулок, а потом на улицу, но проигнорировала вход в подземку, а понеслась по вниз по тротуару. Как ни странно, ей не попался ни один патруль, который несомненно заинтересовался бы, куда и главное откуда бежит перепуганная чер-

ная девушка в Кассле. Она пробежала квартала три, потом наконец смогла взять себя в руки достаточно, чтобы все-таки спуститься в подземку. Ее все еще немного трясло, а в душе крепла необоснованная уверенность, что домой сейчас нельзя. Впрочем, она знала, куда можно. Есть одно место, где ей всегда рады, даже если она при этом ведет себя как последняя сука. Эмили решила отправиться к Нилу.

Глава 3.

Все началось с того, что Фрай узнал имя. Ночь уже перевалила за середину, когда он вышел из ближайшей к месту преступления станции подземки. Обычно в этот мертвый час улицы пустели и замирали, но не сегодня. И дело было уже даже не в теракте. Фрай искренне сочувствовал коллегам из патрульной службы, ответственным за этот участок сегодня ночью. Проворонить убийство, когда вас специально подняли по тревоге и бдительность усилена до абсурда, это вам не шуточки. Прежде чем двинуться дальше, Фрай достал из кармана пальто сигарету и закурил. Хотя любой другой на его месте уже со всех ног бросился бы в переулок, он продолжал топтаться под фонарем и щуриться на проезжающие мимо патрульные машины. Что-то подсказывало ему, что торопиться не нужно. Вообще-то Фраю тоже полагалась машина, но он при любой возможности отдавал предпочтение подземке. У него и личной-то машины не было, Клэр

вечно ругалась с ним из-за этого. Клэр... не забыть позволить ей, если окажется, что это действительно он. Докурив, Фрай дисциплинированно бросил окурочок в ближайшую урну и пошел к месту преступления. Учитывая поздний час, никакой толпы зевак вокруг заградительной ленты не было, но Фрай не обольщался. За ними сейчас наблюдают из каждого окна. Приподняв ленту, Фрай поднырнул под нее и оказался в относительно чистом и довольно широком переулке. Света с улицы хватало, чтобы не споткнуться, а дальше, у маленького аппендикса уже установили два прожектора.

– Эй, Пуссет! Давай сюда, – Фраю призывно махнул его старый знакомый и теперь подчиненный Кевин Тонофски. Насколько Фрай знал (а он не поленился прошерстить все личные дела), Кевина приписали к делу Ювелира около семи лет назад. Ему никогда не давали рулить, а он, судя по всему, и не настаивал. Кевин изображал рабочую лошадку, честно переписывал факты с бумажки на бумажку и видимо считал Ювелира своей последней станцией перед пенсией. Фраю он не особенно нравился, но с другой стороны, ему вообще мало кто из команды нравился. На фоне остальных Тонофски был еще ничего, он по крайней мере не считал приемлемым в открытую заявлять, что это дело гиблое. Фрай подошел к Кевину не забывая оглядываться по сторонам. Криминалисты уже успели поработать в переулке, и маленькие таблички с номерами отмечали возможные и явные улики: сумочку с выпавшим из нее тюбиком помады, лужицу крови у стены,

грязный мужской ботинок (с ним как раз возился криминалист).

– Наш парень, – Кевин широко ухмыльнулся. – В этот раз долго терпел... когда там последнее было? Года полтора назад?

– Восемь месяцев, – машинально поправил его Фрай, наконец заглядывая в аппендикс. Тот был в длину всего метров пять, и большую его часть перегораживал огромный мусорный бак. Фрай покосился на прожекторы, прищурился, прикидывая, как тут было без них. Опытный Тонофски вмиг сообразил, о чем тот думает.

– Хоть глаз выколи, это да. Еще и за этой громадиной... отсюда не разглядеть. Собака учуяла, – не дожидаясь вопроса, продолжил он. – Владельца допрашиваем, но он чист. Насколько это возможно, конечно... собак ночью не выгуливают, но он твердит, что у них особый график. Все порывался собачье дерьмо в пакетике под нос сунуть.

Фрай шагнул в закуток, потеснив еще одного криминалиста, буквально обнюхивавшего стену, на ходу натянул резиновую перчатку и, обогнув мусорный бак, остановился рядом с прожектором. Для него это было первое убийство за то время, что его назначили на это дело, но он итак прекрасно знал, что увидит. Если бы вдруг все материалы и их копии каким-то образом исчезли, Фрай мог бы восстановить их по памяти. Даже фотографии нарисовал бы. Но в этот раз имелось одно существенное отличие: трупов было два.

Мужчина лежал ничком, его голова была повернута в сторону Фрая, видная ему глазница поблескивала драгоценным камнем. Фрай не смог сходу определить, каким именно, но не сомневался, что это что-то дорогое. Все последние годы Ювелир не скупился. Одежда мужчины была в беспорядке, пиджак на спине в нескольких местах был порван, ткань пропиталась кровью. На вытянутой в сторону руке не хватало трех пальцев, судя по виду, их отрезали чем-то острым. Но мужчина явно не удостоился особенного внимания. Закончив беглый осмотр, Фрай повернулся к женщине, а затем присел на корточки.

– Мужчина это судя по документам и правам Джеймс Олкотт. Пятьдесят семь лет, женат, двое детей. У него в бумажнике также нашлась разовая карточка "Западного Бруклина", это такой шикарный клуб неподалеку отсюда, так что я немного погуглил, – Кевин протиснулся к Фраю, но встал чуть в стороне, чтобы не мешать. – Он финансовый директор в страховой компании "Арко". Наш парень поднял планку. Кстати, Джули говорит, что это агат, – он кивнул на камень.

Фрай слушал вполуха, рассматривая женщину. Да нет, какую женщину, девушку, молоденькую девушку. При жизни она была симпатичная, да и после смерти таковой осталась, Ювелир не стал ее уродовать. Такое с ним уже бывало. Насколько мог судить Фрай, она была убита одним-двумя точными ножевыми ударами в область груди. Ее декольте было залито кровью, светлое некогда платье стало густо-алым, но

внимание привлекало не оно. На лоб девушки с ювелирной аккуратностью была пришита золотая цепочка с несколькими ярко-зелеными драгоценными камнями. Чтобы украшение сидело ровно и красиво (как будто это возможно... но ладно, чего уж там, в этом в самом деле можно было разглядеть определенную эстетику), убийца вырезал тонкий лоскут кожи с ее лба и вставил цепочку в рану. Края же были прихвачены тонкой, но прочной шелковой нитью, накрепко соединяя золото и плоть. Разглядывая эти аккуратные, мастерски сделанные стежки, Фрай думал о психе, разгуливающим по городу с набором для шитья в кармане. За столько-то лет можно отточить мастерство в любом ремесле. Крови на лбу девушки почти не было, что позволяло предположить, что манипуляции с цепочкой совершались посмертно.

– Девушку пока не опознали, документов в сумочке не оказалось... есть вариант, что их взял Ювелир, хотя я не припомню, чтобы он так раньше делал. В общем, сейчас шерстим связи Олкотта, пытаемся выяснить, кто это, но идет со скрипом, полгорода спит... жене пока не звонили...

– Сюзанна, – перебил его Фрай, поднимаясь. – Ее зовут Сюзанна Марш.

– Хмм?.. А откуда ты...

– Нужно отправить тела на экспертизу как можно скорее. Проследи, чтобы тут не затянулось. Заключение нужно мне к утру.

– Заключение? Ты же знаешь, судмедэксперты так быстро

не работают...

– Предварительное, Кевин. Пусть первым делом определят, он это или нет.

– Ты в своем уме? Конечно, это он! Модус операнди, эти цацки...

– Как раз образ действий тут другой. Две жертвы, Кевин. Этот парень убивает больше двадцати лет, и ни разу не брал двоих.

– Может, мужик случайно подвернулся...

– А может, девушка. Но нельзя исключать, что это может быть инсценировка. Хватит спорить, Кевин, – Фрай резко взмахнул рукой. – Просто отправь их в морг. Обследовать швы и определить качество украшений до утра вполне можно. И ни слова прессе, пока мы не будем уверены.

Кевин, конечно, был не согласен, но по своей старой привычке спорить не стал. Развернувшись, он пошел прочь из закутка, на ходу поторапливая криминалистов. Фрай же достал из кармана мобильный, разблокировал и набрал номер Клэр. Дожидаясь ответа, он прошелся до мусорного бака, машинально рассматривая следы.

– Ммм... Фрай, ты в курсе, который час? – раздался сонный голос Клэр. – Что случилось?

– Прости, что разбудил, – Фрай тут же пожалел о звонке, он совершенно забыл о времени. Но с другой стороны, звонить в другое время уже могло быть поздно. – Я просто хотел сказать, что не смогу приехать утром. Это сильно нарушит

твои планы?

– Я... да нет, я отвезу Меган сама. Но что случилось? – теперь голос бывшей жены уже звучал встревоженно, и Фрай понимал, почему. Он мог быть сколько угодно говнюком и отвратительным мужем, но ради Меган обычно бросал все дела, мчался по первому зову и вообще всячески боготворил дочь. Утром он собирался отвезти ее на футбол, об этом договорились еще месяц назад, и должно было случиться что-то из ряда вон, раз он отменял встречу. И врать Клэр Фрау не хотелось. В конце концов... на нее можно положиться. Всегда можно было. Он уже открыл рот, но тут заметил кое-что на земле у угла бака.

– Я перезвоню, – он нажал на отбой, потом присел на корточки и подцепил с земли нитку порванного браслета.

– Что там у тебя? – Кевин успел раздать указания криминалистам и теперь снова заглянул в закуток.

– Сам посмотри, – Фрай вытянул руку, разглядывая испорченное украшение. Браслет представлял собой грубую нитку, к которой были примотаны блестящие, явно пластиковые бусины.

– М-да, не Картье... – Кевин хмыкнул. – Это явно не наш парень оставил.

– Именно... – Фрай жестом попросил у ближайшего криминалиста пакет для улик и опустил туда браслет.

– Брось, Пуссет, ты что, думаешь, это как-то связано?

Не отвечая, Фрай обернулся к баку, склонился к нему,

не замечая запаха, потом поднял телефон, не глядя включил фонарик и навел на зазубренный угол бака. На жестяном краю ярко блеснула одинокая бусинка на куске нитки, сестренка тех, что отправились в пакет.

– Я захожу сюда. Вижу трупы. Пугаюсь, отшатываюсь назад и задеваю рукой край бака. Браслет рвется, но я не подбираю его, потому что напуган... – Фрай покосился на браслет. – ... напугана. Логично?

– С тем же успехом это могло случиться вчера или неделю назад.

– Просмотри на него, он чистый. Он пролежал тут не больше пары часов. Тут был кто-то еще. До собаки.

– Но зачем мне заходить сюда, если я не собака и ничего не учуял? Я бы в таком месте даже по сильной нужде не присел.

– Хороший вопрос. Отправь это вместе с трупами, – Фрай вручил Кевину пакет с браслетом. – И это тоже срочно.

Дождавшись, пока Кевин уйдет, Фрай тоже вышел из закутка и снова набрал Клэр.

– Очень оригинально, Фрай. Так что случилось? – ее голос уже не казался сонным. Фрай явственно представил, как она сидит на кухне в ожидании его звонка.

– Убийство, – он решил не ходить вокруг да около. – Это Ювелир. Мое первое на этом деле... я никак не смогу вырваться.

– Боже... Хорошо, я... я поняла. Я скажу Меган... ну придумаю что-нибудь. Ты... – она явственно замялась. – ...ты

осторожнее там...ладно?

– Ладно. Спокойной ночи, Клэр.

Отключившись, Фрай повернулся к закутку и устался на бок мусорного бака, сунув руки в карманы. Потом нащупал сигареты и снова закурил. И в самом деле, подумалось ему, зачем заходить в это жуткое место, если ты ничего не увидел? Или увидел?..

Майк Саммерс получил сигнал тревоги на телефон около двух часов ночи. Настойчивая трель вырвала его из чуткого сна, заставив в буквальном смысле свалиться с дивана. Майк не раз и не два давал себе обещание не ложиться на диване, но в глубине души понимал, что это бесполезно. Если только не перетащить рабочее место в спальню, но какой смысл? Несмотря на то, что Майк прожил в этой квартире уже почти полгода, он так и не привык ко всем остальным комнатам, кроме гостиной. Он и выбрал-то ее только потому, что гостиная в ней совмещалась с кухней и казалась одним помещением.

Тревога все не умолкала, и Майк, не открывая глаз, нащупал телефон. Что это может быть... Опять закоротило? Или... Он наконец проморгался и устался на мерцающий экран. А в следующий миг вскочил, как ошпаренный, и метнулся за джинсами. Теперь по крайней мере понятно, почему вслед за собственной тревогой Майку не поступил звонок от службы безопасности.

До лаборатории он добрался за двадцать минут, и бешеная гонка по полупустым улицам на родном мотоцикле помогла остудить голову. Поэтому к КПП он подъехал уже на нормальной скорости, спокойно улыбнулся охраннику, протянул пропуск и в ожидании окончания проверки скучающе грыз ногти, хотя это и стоило ему невероятных усилий. В его ночном визите не было ничего необычного, Майк и раньше приезжал в самое разное время, и как главе лаборатории, ему не требовалось извещать охрану заранее. Пройдя проверку, он загнал мотоцикл в гараж и на лифте спустился в главную лабораторию. Он знал расположение всех камер и мог бы теоретически оградиться от них, но не видел в этом смысла. В конце концов, он не скрывал свой визит.

В лаборатории горел дежурный свет и было абсолютно пусто. Майк некоторое время постоял на пороге, оглядывая переведенные в режим ожидания терминалы сотрудников, моргающую контрольными огнями вычислительную аппаратуру и Пульт. На первый взгляд все в порядке, но это и пугает, ведь тревога сработала не просто так. Стараясь двигаться естественно, Майк подошел к своему терминалу, уселся на изрядно продавленное кресло и снял блокировку. В правом верхнем углу экрана мигнуло окошко логов. Майк невольно сглотнул. Так и есть, кто-то входил в лабораторию около сорока минут назад. Причем входил спокойно, используя авторизованный в системе пропуск. У Майка не было возможности посмотреть, кому тот принадлежал, и он

пока не хотел беспокоить охрану. Но сам факт того, что какой-то гость наведлся сюда в такое время, откровенно пугал. И ладно бы просто наведлся... Закончив со своим терминалом, Майк подошел к Пульту и оживил экран. И застыл, взглядываясь в оставшиеся от предыдущего пользователя окна. О боже...

Внезапно его телефон снова ожил, и Майк подпрыгнул от неожиданности. На дисплее высветилось одно слово, и он нахмурился, но все-таки принял вызов.

– Да?..

– Вы в лаборатории, мистер Саммерс?

– Чт... – голос сорвался, и Майк был вынужден откашляться. А пока он это делал, его осенила догадка. – Это... это вы?!..

– Я не сомневался, что вы установите дополнительную сигнализацию на Пульт, мистер Саммерс. Меньшего я и не ожидал.

– Зачем?! – вопреки желанию Майк сорвался на крик. – Вы же.. что вы натворили...

Все еще не вполне веря, он лихорадочно листал логи на Пульте. Раздача... другая... третья... Это же полный цикл!

– Успокойтесь, док, – в голосе на другом конце линии отчетливо слышалась легкая ирония. – Понимаю, это несколько неожиданно, но ни капли не преждевременно. Я очень внимательно читал ваши отчеты. Вы вполне готовы.

– Дело не в готовности! – Майк на мгновение прикрыл

глаза, потом заставил себя сосредоточиться. – Кого вы выбрали?

– Я не выбирал, – отозвался собеседник. – Откровенно говоря, я не очень хорошо умею управляться с Пультом. Полагаю, выбор был совершен случайно.

– Вы использовали экспериментальную технологию на совершенно случайных людях, – констатировал Майк упавшим голосом. Случайно... хуже, пожалуй, некуда.

– Повторяю, успокойтесь, – теперь голос звучал твердо. – Вы топтались на месте, док. Да, я пригласил вас в проект в первую очередь для работы с теорией, но вы уже достаточно продвинулись. Пора переходить к практике.

– Мы и половины не знаем... сэр, вы понимаете, что натворили? Совершенно неизвестно, что теперь будет. Случайные люди... неизвестно, кто что получил, какие вышли сочетания... и все они на свободе. Это может быть катастрофа.

– Вы знаете достаточно, Саммерс, чтобы найти их всех и привести ко мне. Это ваша основная задача на ближайшее время.

– Почему вы не предупредили меня?!

– Сэкономил время. Я уже принял решение. Вытащите из Пульта имена и приступайте, док. Я в вас верю.

Связь прервалась, и Майк опустил руку с телефоном. Некоторое время он не шевелился, сначала просто оглушенный, а затем лихорадочно соображающий. Потом пододвинул ближайший стул и взялся за Пульт всерьез.

Спустя полчаса он покинул лабораторию. Тут остались некоторые его личные вещи, но сам он не планировал возвращаться.

Центральный офис полицейского управления города располагался на границе Кассла и Скифферджена, и Фрай решил не заезжать домой. Он вовсе не злоупотреблял ночными бдениями на работе, но сегодняшнюю ночь по праву можно было назвать особенной. Первое убийство Ювелира, которое он имеет возможность расследовать от и до, собственными методами, а не довольствуясь тем, что делали коллеги.

Добравшись до Управления на подземке, Фрай миновал «приемный покой» (так местные, да и половина криминальных элементов города называли регистратуру с дежурным, который вел учет поступающим задержанным и распределял их по камерам, если требовалось), поднялся на пятый этаж и ступил во владения убойного отдела. Управление никогда полностью не вымирало, и сейчас в отделе шаталось человека три-четыре. Кевин еще не вернулся. Впрочем, Фрай и не ждал его до утра. Кивнув знакомым, он прошел в свой кабинет и прикрыл дверь. Этот кабинет достался ему после того, как его приписали к Ювелиру. До этого он довольствовался столом в углу общей комнаты, который сейчас использовали в качестве склада для бумаг. В Управлении никогда не было особенного избытка кадров. Стянув пальто, Фрай небрежно повесил его на крючок, потом достал из кармана сигареты,

на ходу закурил и уселся за свой стол. Несмотря на обилие материалов по делу Ювелира Фрай старался поддерживать на столе порядок. Все папки и коробки аккуратно стояли на этажерке справа от стола, а под рукой остались только личные заметки Фрая. Но сейчас Фраю были нужны не они. Выкурив сигарету до середины, он наклонился к этажерке и перетащил на стол одну коробку. В этой коробке находились одни только фотографии. Руководство открутило бы ему голову, если бы он на самом деле повытаскивал фотоматериалы из всех дел и сложил в одном месте. Фрай это знал, поэтому в этой коробке были только копии. Но ему всегда было удобнее работать со всеми фотографиями разом. Все равно он итак прекрасно помнил, какая к какому убийству относится. Сейчас Фрай достал несколько фотографий, не глядя, и веером разложил на столе. Он не вглядывался в них, скорее просто держал в поле зрения, позволив мыслям соскользнуть в произвольном направлении.

Ювелир совершил первое известное убийство ровно двадцать лет назад. Фрай отчетливо помнил, как сидел на лекции в академии, слушая про него, и недоумевал, как такое вообще возможно. Как может один парень столько лет убивать по примерно одной и той же схеме и не оставить ни единого следа? Как может парень столько лет водить за нос лучшие умы полиции? Тем не менее он как-то мог. Некоторые особо паранойяльные личности среди журналистов полагали, что на самом деле Ювелир мог начать убивать и раньше,

но у полиции не было тому доказательств. Те же личности в периоды падения рейтингов высказывали предположения, что Ювелир на самом деле коп. Один раз из-за особенно истеричной, складно написанной статьи офицера, возглавлявшего расследование, подвергали экспертизе. Фрай был глубоко убежден, что журналисты помогают полицейским расследованиям только в сказках.

В большинстве случаев Ювелир убивал по ночам, хотя несколько раз выходил на охоту к утру. Его жертвами становились и мужчины, и женщины, и дети, и старики. Виктимология не поддавалась упорядочению, он не щадил и не выделял никого ни по расовой, ни по какой-либо иной принадлежности. Создавалось ощущение, что он просто в какой-то момент испытывает желание убить, идет на улицу и убивает того, кого увидит. И Фрай был склонен этому верить. Для Ювелира жертвы имели значение не как люди, но как сосуды, из которых можно выпустить жизнь, а потом украсить. Да, разумеется, обязательно украсить. Собственно, именно отсюда и пошло его прозвище – Ювелир. На самой первой жертве – девушке-студентке педагогического колледжа, была дешевая железная цепочка с кулоном-стекляшкой. Ювелир пришил цепочку к ее шее несколькими крупными, но уже тогда аккуратными стежками. Правда, нитки были грубые. Первое время полиция всерьез искала убийцу среди рабочих швейных мастерских. Однако, даже если Ювелир и правда там начинал, эти времена давно миновали. Нетруд-

но было проследить одну любопытную тенденцию: с течением времени украшения, которые он «дарил» своим жертвам, становились все дороже и дороже. На этот счет было много теорий, но Фрай придерживался классической. Да, Ювелир это один и тот же человек, который вовсе не идет на дно и не собирается сходить с ума от содеянного. Во всяком случае, не снаружи. С каждым годом его дела идут все лучше. Он начинал как обычный мальчишка, имеющий возможность достать только дешевую цепочку, но сейчас у него есть деньги. Насчет влияния Фрай был не уверен. С одной стороны, будь Ювелир доволен количеством и качеством своей власти, разве продолжил бы он убийства? Но с другой, отнять жизнь – это совершенно особенный вид власти. Возможно, именно этого в его жизни и не хватает.

Фрай часто пытался представить себе этого человека. Каким он мог быть? Его состояние сейчас должно исчисляться миллионами, уже не менее десяти лет он оставляет на трупах исключительно дорогие украшения. Но людей таким достатком в городе не так уж и мало, и подобраться к ним нелегко. И один из них убийца, промышляющий минимум двадцать лет. И не совершивший не единой ошибки? Это больше всего смущало Фрая. Все ошибаются, даже самые хладнокровные и уверенные, даже профессионалы, а Ювелир вовсе не родился профессиональным убийцей. Его первым жертвам пришлось изрядно помучиться, прежде чем он смог лишить их жизни. Некоторым украшения приши-

вались на живую, и временами места для них были выбраны чертовски... чувствительные. Ювелир учился убийствам как любому другому ремеслу, и сейчас уже вполне мог бы давать уроки в определенных кругах, но раньше! Конечно, двадцать лет назад не было некоторых технических приспособлений, но речь ведь не о прошлом веке. Фрай вспомнил, как читал материалы первых дел, едва только его перевели в Управление. Вообще, обычно получить чужое дело не так-то просто, но Ювелир уже давно стал всеобщей занозой. К тому же как-то странно скрывать материалы по делу убийцы, о котором читают отдельный спецкурс в академии полиции. Так вот, Фрай листал протоколы допросов, просматривал результаты экспертиз и анализов, читал выводы экспертов и недоумевал: ни единого следа?! Хотя неправда, один малюсенький след все-таки был, вот только толку от него до сих пор не было никакого. На одной из первых жертв удалось найти след неопознанной ДНК. Точнее, это был кусочек кожи, не принадлежавший жертве, но найденный у нее под ногтем, что позволяло предположить, что он принадлежит Ювелиру. ДНК-анализ сделали много позже, но толку, опять же, это не принесло: эту ДНК было не с чем сравнивать и некому предъявить. За все время следствия по делу Ювелира было задержано немало человек, но ни у одного из них ДНК не совпало с образцом. Это конечно не являлось безусловным критерием невиновности, подозрения с задержанных снимались по другим причинам (или не снима-

лись; едва ли не столько же жертв было у подражателей, откровенных психов или чересчур дальновидных преступников, желавших замаскироваться под Ювелира). Но эту ДНК Управление хранило как присланную Джеком Потрошителем в Скотленд-ярд надкусанную почку. Тем не менее, учитывая бесполезность этой улики, Ювелир оставался виртуозно бесследным... Фрай невольно вздохнул. Если бы можно было просто взять и сравнить эту треклятую ДНК со всеми жителями го... Внезапно он замер, прервав даже вдох, осененный новой мыслью. А ведь... а ведь можно! Теперь можно, благодаря Форестер Мед! Он подорвался было с места, но опомнился и заставил себя сесть обратно. Да, это может помочь... но это не выход. Благодаря Форестер Мед люди постепенно обзаводятся электронными медкартами, но именно что постепенно. Диспансеризация пока не строго обязательна, процесс обкатывают на госслужащих и тех, кто лезет впереди всех. Фрай и сам прошел ее на прошлой неделе, узнал, что у него низковатый сахар и что стоит меньше курить. Сомнительно, что Ювелир был среди первых купившихся на эту реформу, скорее уж он приложит максимум усилий, чтобы не попасть в базу как можно дольше. И он будет не одинок в своем желании, очень многие выступают против диспансеризации и продолжают сопротивляться, даже когда это станет обязательным. И тем не менее... и на старуху бывает проруха. Нельзя игнорировать такой инструмент. Другое дело, что использовать его будет не так-то просто. Фрай машинально

зажег новую сигарету, глубоко затянулся. Он ясно представил миллион и одну бюрократическую препону, которую создаст и министерство здравоохранения, и его руководство, и Форестер Мед... а уж если об этом прознают журналисты... сторонники реформы не станут так рисковать, на них итак насаждают из-за возможной угрозы кражи персональных данных. Хотя Фрай и не сомневался, что рано или поздно полиция получит доступ к этому источнику информации, он также понимал, что это будет нескоро. А он не в том положении, чтобы ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.